

ПЯТЬ МИНУТ НА МАНЕЖЕ

Опустел манеж, оживленная толпа зрителей растекалась по улицам — в цирке закончилось представление. Артисты снимали свои перебивающиеся, сверкающие костюмы и сразу из волшебников превращались в обыкновенных людей, уставших за трудный день.

Дверь примерной, заклеенную яркой афишей, открыл средних лет мужчина, совсем невысокого роста, сухощавый. Откинув назад густые пепельные волосы, вдруг как-то неожиданно по-мальчишески улыбнулся. И эта открытая, ясная улыбка так шла к его глубоким темным глазам, она словно сняла с лица усталость.

Говорят, профессия наслаждается на людей неизгладимый отпечаток, во всяком случае, артиста как-то легче отличить от других людей. Мой собеседник ничем не напоминал сейчас того чародея, который полчаса назад покорила зрительный зал своим уникальным номером.

Пока коверные клоуны развлекали публику в паузах (а один оказался женщиной — Ниной Красавиной — единственной женщиной-клоуном в мире), на манеж выкатили серебристую двухметровую колонну. Свет на мгновение погас, а когда вспыхнул, зрители увидели на ней статую. Но вот она ожила, артист легко вынул стойку на правой руке, и его гибкое, послушное тело в такт мелодичной музыке будто поплыло в воздухе, то выгибаясь ласточкой, то растягиваясь в шпагате.

На секунду оркестр смолк, и в напряженной тишине, установившейся в зале, из колонны начал подниматься вымысл тонкий стержень, а с ним и артист. Цирк замер. Стержень остановился. Там, почти под куполом, человек на одной руке продолжал выдвигать замысловатые фигуры.

— Руки-то у него одной нет, смотри, смотри, — шептал мой сосед, веснушчатый парнишка, товарищу.

— Знаю, книжку читал, только как-то непохоже, видишь, он двигает и левой, да так плавно.

Лев Осинский. Эквилибрист на пьедестале. Заслуженный артист РСФСР — так коротко представляет его ведущий цирковую программу.

Те, кому довелось читать документальную повесть Александра Аронова «Пассажир без билета», а она выдержала уже третье издание, были потрясены судьбой героя повести. Но автор скромно умолчал о себе, а ведь он тоже принадлежит к той категории людей, которые умеют не поддаваться злобостыям, всем смертям назло поднимаются с больничной койки и своей одержимостью, неумной каждой жизни зовут других на подвиги. Восемнадцатилетний вчерашний школьник буквально был раздавлен грузовиком, парализован, обречен. А он поднялся, Саша Аронов, и сила его духа победила физическую немощь тела. Так, в театре и в цирке появился талантливый режиссер Александр Аронов.

— Три года он ходил за мной, все уговаривал, просил, доказывал, убеждал, — говорит Осинский, — что надо книжку обо мне написать. — А что обо мне, Са-

ша — вот действительно герой.

Из окна примерной Осинского открывается панорама казанского Кремля, спокойная гладь воды, просторная набережная.

— Десять лет не был в Казани, просто неузнаваемой стала, — говорит Лев Александрович нетерпимо, будто прислушиваясь к чему-то.

Казалось, судьба полной горстью выдала все, чтобы мальчишка вдруг, в один день, разом лишившийся родителей, перестал улыбаться, замечать щебет птиц и синеву утреннего неба. Будто во сне была та домашняя жизнь, когда живой, ловкий, подвижный Левка часами не отходил от стола, мастера, наперное, десятый приемник. Последний, самый лучший, легко уместился в спичечной коробке. Картины 13-летнего школьника Осинского показывали на выставке детского творчества.

— Если бы снова начать, выбрали ли вы профессию циркового артиста?

Лев Александрович ответил не сразу. Помолчал. Задумался.

— Не знаю, как-то не думал. Цирк — это ведь ловушка, раз попадешь в нее, ни за что не вырвешься.

Да, «ловушка» действительно захлопнулась на всю жизнь. Даже когда там, под Белгородом, сержант противотанковой роты остался без левой руки, он думал об одном: неужели не вернуться в цирк? Как же это так — без цирка?

И вернулся. Те самые братья Волжаские, которые помогли ему, бездомному подростку, обрести в цирковой труппе семью, почувствовать верность и преданность товарищества, не оставили Осинского в беде.

— В любом состоянии, без рук, без ног, безо всякого испытательного срока согласен возвращение на прежних условиях, — отступил в левый телеграф, пока Осинский мучительно раздумывал, что же ему делать дальше.

Ведь цирк-то синоним гармонии, красоты и ловкости человеческого тела, бесстрашия и отваги. Как выйти на манеж калек, разве можно, чтобы зрители об этом знали? Они и не знали, если бы не инита Аронова.

— Протезов у меня не было, для выступлений особый, собственной конструкции. Приходилось все-таки детское увлечение техникой, сам мастерю, подлаживаю.

— Наше искусство — радостное, светлое, не просто годовокружающее трюки, приходишь смотреть люди. В музыке, ритме, различных фигурах хочется создать прекрасный эстетический образ.

Медленно, стоя на одной руке, поворачивается гибкое, юношески стройное и подтянутое тело. Не дрожит правая рука, а левая плавно описывает полукруг. Все выше и выше поднимается тонкий стержень, все выше и выше поднимается человек, будто парящий под куполом цирка вниз голозой.

Аплодируют залы Токио, Парижа, Рима, Вены, Лондона. Чудо-эквилибрист, человек на пьедестале — опромненные литеры транспарантов афиш протянулись через улицы всех столиц европейских стран, где выступал Лев Осинский. К нему давно пришла мировая слава. А он

остался таким же добрым и простым, каким помнят его товарищи по искусству, которому отдано более тридцати лет.

— Как красиво работает наш Левал! — сказала мне женщина, оказавшаяся режиссером цирка. — Удивительный он человек, давно его знаю, а не перестаю удивляться его настойчивости. Кажется, все идет великолепно, отточено, выверено каждой жест, а он все чем-то неудовлетворен, говорит, что надо работать чище, лучше.

Работать. Артист никогда не скажет: у меня сегодня выступление. От него услышишь: у меня сегодня работа. Да, работа, очень трудная, даже опасная, малейшая неточность — и сорвешься на глазах сотен людей. К тому же цирковая этика неумолима: артист, «завалившийся» номер, обязан повторить его до тех пор, пока он не будет выполнен безукоризненно.

Ожившая на пьедестале статуя выделяет сложнейшие эквилибристические фигуры, считанные минуты идет номер. Там, под куполом цирка, артист в костюме Ромео покорила совершенством этой эквилибристической поэмы. Всего пять минут на манеже. А за ними такое напряжение, что описать невозможно.

— Рука делается совсем чуждой, ну, думаешь, завтра не поднимусь. Приезжаешь в цирк, репетируешь, тренируешься, и все приходит в норму.

Труд, упорство, мужество и выдержка. Все это так, без этого не было бы знаменитого Осинского. Но есть у него еще одно качество, пожалуй, самое для него характерное. Источники мужества, в чем они? Что дает человеку силы победить самые жестокие удары судьбы? Лев Александрович говорит об этом очень просто.

— Работали мы в Японии. Четыре месяца. Жара ужасающая, в зале, во время представления, японцы в обморок падали, а мы ничего, выдерживали. Так надо. На нас же, советских людей, весь мир смотрит. Спрос с нас особый. Кто с недоверием смотрит, а кто с надеждой. Надежду мы должны оправдать, а недоверие рассеять.

А в совокупности это называется коротко — ответственность. Ответственность за себя, ответственность за поколение. Поколению этому выпала нелегкая доля. Лев Осинский пошел на фронт почти мальчишкой, всего 151 сантиметр ростом.

— За войну подрос на пять сантиметров, зато давно забыл, как это рука руку моет, — смеется он.

Шутить мы умеем при любых обстоятельствах, в юморе скрыта большая сила. А если говорить всерьез, мужество таких людей, как Лев Осинский, не только их личное мужество. Сержант противотанковой артиллерии давно снят с военного учета, и окопы Курской дуги заросли травой. Но война оставила не только свой физический след в жизни Льва Осинского. Она, как пепел Клааса, стучит ему в сердце.

Пять минут на манеже. И плеск вся жизнь. Жизнь, освященная высокой целью и исполненная высокими человеческими качествами.

В. ГУДКОВА